

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,

Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.

МОСКВА, — 1923 г.

кая. Несмотря на зной, на тоскливый пейзаж, на еще болше тоскливую песню, неизвестно откуда несущуюся и говорящую о неизвестной вине, Дениска переполнен ощущением бодрости и силы.

— А ну, кто скорее доскачет до осоки!—говорит он Егорушке, главному герою рассказа, и не только одерживает победу над усталым от зноя Егорушкой, но, не довольствуясь этим, предлагает так же скакать обратно.

Я, как-то шутя, сказал Чехову, что он сам похож на своего Дениску. И действительно, в самый разгар 80-х годов, когда общественная жизнь так похожа была на эту степь с ее безмолвной истомой и тоскливой песнью, он явился беззаботный, веселый, с избытком бодрости и силы...

«Антон Павлович Чехов».

Воспоминания С. Елпатьевского *).

«Хмурый человек» «в сумерках» пишет «пестрые рассказы»,—так определил себя своими заглавиями Чехов.

Он родился не хмурым человеком, и все, знавшие его в молодости, говорят о нем как о веселом, жизнерадостном человеке. И кто не помнит его «Налим», знаменитый «Винт» и те, не омраченные грустью, первые его рассказы, в которых было так много веселья и яркого, громкого, здорового смеха? А потом,—чем дальше, тем больше,—смех затихал, и скука все ярче сквозила в его рассказах, и все завлакивалось тем серым, однотонным, сумеречным настроением скуки, тоски и печали, которое и стало известным в литературе под названием чеховского настроения. Стал он писать про «человека в футляре» и про людей «в овраге» и про дядю Ваню,—такого печально-скудного дядю Ваню,—про доктора, лучшего человека, у которого лучшая мечта—сохранение лесов, писать про зимнюю ньюгу и осенние сумерки, про сумеречных русских людей, тускло и серо влачащих цепи своего существования в русских футлярах и оврагах, про людей, которые лишь изредка глухо говорят, что через 200—300, а быть может и чрез 1.000 лет будет иная, новая, счастливая жизнь...

Почему это? Почему Чехов стал хмурым человеком и печаль легла на этот тонкий, изящно вырезанный профиль человека, рожденного «для звуков сладких и молитв»? Несомненно, много объясняет этот переход от радости и смеха к скуке и печали личная судьба покойного писателя. Медленно и трудно проходил он свой литературный путь. Долго не давалась ему ни литературная слава, так поднимающая и

возбуждающая писателя, ни интимное сочувствие определенной общественной группы, которое может заменить внешний литературный успех. Одиноким, медлительным путем шел он через «Будильник» и другие юмористические издания, чрез «Петербургскую Газету» и «Новое Время», от того читателя, который «пробегают» газеты и «рассказы» за чайным столом, на конке, на пароходе, на железной дороге, в толстых журналах, к настоящему русскому читателю. И когда он пришел туда, его встретили и радостно, и недоумело: радостно—как талант и недоумело—как человека, и задали ему вопрос: кто ты? И он не ответил на него и шел одинокий, вне лагеря, признанный теми, чью скуку и пошлость он изображал, и постоянно встречавший восхищение талантом, но и вопрос: кто ты?—от тех, чье признание было ему особенно дорого. И это пестрое отношение, слагавшееся из радости и восторгов, и недоумений, так и осталось за ним вплоть до его смерти. И слава, в настоящем смысле слова,—большая литературная слава пришла к нему почти одновременно с первым кровохарканьем и росла, и развивалась параллельно росту и развитию его туберкулезного процесса,—и в этом, в сущности, в этой исключительно трагической коллизии растущей славы и поднимающейся смерти прошли последние 14 лет его жизни.

Я не буду больше говорить о болезни и ее значении для Чехова,—это всякому понятно. Но ни то, ни другое,—ни болезнь, ни тяжелая в материальном и иных смыслах литературная карьера,—не объяснят нам того сложного узорчатого рисунка с печальным колоритом, который представлял из себя покойный Чехов. Дело во второй части приведенной мною формулы,—в «сумерках»,—в сумерках русской действительности.

Несомненное несчастье для Чехова—то, что он родился в России. С его жадностью к жизни, к краскам ее, с его прожорливостью красоты, с его огромным дарованием и чисто художественным темпераментом он развернулся бы во всю ширь своего таланта и расцвел бы во всю красоту своей художественной натуры там, где так много солнца и красок жизни, где ничто не мешает расти тому, что может расти, где не ваналяется на плечи человека ноша, которой он не может нести. А он жил в сумерках русской жизни. В литературе уже не раз отмечалось, что студенческие годы Чехова,—самые значительные для русского интеллигентного человека годы,—прошли в сумеречное русское время—80-е годы,—время усталости и скуки, «ретроспективных взглядов», проповеди маленьких дел и маленьких добродетелей. Я не о том хочу сказать,—то время прошло, и Чехов видел другие времена и слышал другие песни. Я говорю о сумерках вообще, об условиях русской действительности, о комбинациях и взаимоотноше-

* «Близкие тени».

ниях русской жизни, составляющих ее особенность, не повторяющихся нигде. С одной стороны, сумерки обывательской жизни, с ее ленью, квинтизмом, некультурностью, рабскими чувствами, с маленькой неврастенией и большою пошлостью, — сумерки, где все кошки серы, один немножко лучше, другой немножко хуже, но все обывательские лагеря и партии благодушно сходятся у барточного стола, за именинным пирогом, где лучшие люди только ноют, скучают и тоскуют, плачут посолёнными слезами и мечтают странными русскими мечтами о сохранении лесов, о том, что чрез 200—300 лет, а может быть и дольше, будет иная, светлая жизнь, — кто-то устроит ее за них. С другой стороны — русская литература, всегда горящая ярким огнем, такая строгая и требовательная, где партии так строго, непримиримо разграничены, где оттенки мнений отмечаются так тревожно и осторожно, — такая странная литература на фоне немотствующей, тихой, неразграниченной и покорной обывательской жизни. Литература везде служит выражением общественных течений мысли и чувства, симпатий и антипатий, но, быть может, нигде эти идейные течения, эти общественные симпатии и антипатии не проявляются так остро и страстно, как в русской литературе. И, конечно, потому, что нигде литература не служит такою единственною трибуной, такою исключительною выразительницей идейных течений в стране. И среди общего безмолвия особенно громко раздаются в ней и трубные звуки, и молитвенные гимны, и покаянные речи, и вопли тоски и страдания, и крики гнева и проклятий; и люди литературы, те, которые уже ушли, которые создали ее и составляют гордость России, — они, гениальные и молитвенные, проклинающие и благословляющие, но почти все яркие, определенные, Белинский, Добролюбов, Писарев, Михайловский, Помыловский, Некрасов, Тургенев, Достоевский, Салтыков, Глеб Успенский, Гаршин... И она, литература, спрашивает, по крайней мере, так недавно еще спрашивала всякого, кто входит в нее: кто ты?..

Антон Павлович Чехов был прежде всего художник, главным образом художник, только художник. И, потом, у него не было в душе жажды битвы, но не было и той сытости, того великолепного самодовольства и несомневающегося величия, с которыми так удобно сидеть на «горных вершинах» красоты и поэзии, не спускаясь в «тихие долины», где копшится скучная и не совсем красивая людская толпа. Чехов был голодный и сомневающийся, и его всегда влекли к себе тихие долины с их мглой, туманными мечтами и тихими слезами. И, повторяю, он был русский писатель, и в этом была драма его жизни. В войну алой и белой розы трудно жить белой розе, которая не хочет быть ни алой, ни белой.

Чехова много раз сравнивали с Мопассаном, и я помню, как провинциальные люди, всегда исследующие, кто кому подражает, обвиняли Чехова в подражании Мопассану. С тех пор прошло много времени, и Мопассан остался Мопассаном, а Чехов сделался Чеховым. В них, несомненно, есть общее, и не только в манере и красках, но и в темах, которые они выбирали; но вот какая существенная разница между русским и французским Мопассаном.

Мой хороший знакомый, знаменитый русский ученый, рассказывал мне про свою встречу с Мопассаном у Тургенева. Это было вскоре после смерти дяди Мопассана, Флобера: Мопассан пришел к Тургеневу, которого он, после смерти дяди, называл своим *cher maître*, посоветоваться о газете, которую он вместе с компанией литературной молодежи, — кажется, туда входил и Бурже, — хотел основать в Париже. Тургенев спросил его, какими же принципами будет руководиться газета, и Мопассан ответил: «*Ras de principes!*» И ответил спокойно и решительно, как программу, как знамя своей газеты.

Чехов редко и неохотно говорил о своих литературных неудачах, но я не слыхал большей горечи в его голосе и не чувствовалось большей обиды, как в тот раз, когда он рассказывал мне, как в одном толстом журнале о нем было напечатано: «В русской литературе одним беспринципным писателем стало больше» *).

И не предлагали Мопассану вопросов: кто ты? И не ломали копий по поводу мопассановских «мужиков», — литературные и политические партии и французские люди сравнительно редко ищут решения вопросов жизни на страницах произведений французских беллетристов...

— Напишите рассказ в «Журнал для Всех»... Непременно напишите... Ведь, там какая публика!... — не знаю уж, в который раз убеждал меня Антон Павлович...

Об А. П. Чехове.

Из воспоминаний Мих. П. Чехова **).

В жизни Антона Павловича Чехова были три эпохи, которые отразились на всем его творчестве. Он и сам признавал это. Это были: поездки к некоему Ивану Парфентьевичу в усадьбу и к его племяннику Кравцову на далекий хутор и донских стенах, когда еще А. П. был гимназистом; затем — в Воскресенск и усадьба Вабкино, Московской губ., где А. П.

*) Я не читал этой статьи и цитирую со слов Чехова.

**) Чеховская библиотека. О Чехове, Чеховский сборники 1910. В 1923 г. в Москве вышла книга М. П. Чехова «Антон Чехов» и его сюжеты, куда вошел материал этих воспоминаний. В. Л. Р.

Комментарий

Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – писатель, врач. Долгое время жил в Ялте, где близко познакомился с Чеховым. Известно одно письмо А.П. Чехова к Елпатьевскому (1903). Автор воспоминаний о Г.И. Успенском, Н.К. Михайловском, А.П. Чехове, Н.Г. Гарине-Михайловском.

«*Хмурый человек*»... – «Хмурые люди» (1890), «В сумерках» (1887), «Пестрые рассказы» (1886) – названия сборников А.П. Чехова.

«для звуков сладких и молитв» – цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828):

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

«*Будильник*» – сатирический журнал с рисунками и карикатурами, с № 13 1883 года – еженедельный сатирический журнал. Издавался в 1865–1917 годах, сначала в Петербурге, а с 1873 года в Москве.

А.П. Чехов начал сотрудничество в журнале в 1881 году (рассказ «Двадцать девятое июня», подписанный псевдонимом «Антоша Чехонте»), с 1882 и до 1887 года включительно Чехов – один из основных сотрудников журнала.

«*Петербургская газета*» – ежедневная политическая и литературная газета, принадлежащая к так называемой «малой прессе», издавалась с 1867 по 1918 год, в 1871 году приобретена С.Н. Худековым.

А.П. Чехов сотрудничал в газете с 1884 по 1888 год.

«*Новое время*» – общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в 1868–1917 годах в Петербурге. С 1876 по 1912 годы издатель – А.С. Суворин. Сотрудничество А.П. Чехова с газетой продолжалось с 1886 года по 1893 год.

Помяловский Николай Герасимович (1835–1863) – русский писатель.

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877) – русский поэт, прозаик и публицист, издатель.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) – русский писатель, поэт, публицист и драматург.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) – русский писатель, публицист.

Салтыков Михаил Евграфович (псевд. Н. Щедрин) (1826–1889) – русский писатель, публицист.

Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – русский писатель, публицист. Познакомился с А.П. Чеховым 3 декабря 1887 года в Петербурге.

Гаршин Всеволод Михайлович (1855–1888) – русский писатель, поэт, художественный критик.

Мопассан Ги де (Guy de Maupassant), полное имя – Анри-Рене-Альбер-Ги де Мопассан (Henry-René-Albert-Guy de Maupassant) (1850–1893) – крупнейший французский новеллист, поэт, автор не менее двадцати сборников короткой прозы. Европейская популярность Мопассана обозначила наметившийся в 1880-е годы закат века романа и возвращение моды на рассказы. Впрочем, Мопассану принадлежит также авторство шести романов.

... дяди Мопассана Флобера. – Флобер Гюстав (Gustave Flaubert) (1821–1880) – французский писатель. Сочинения Флобера были хорошо известны в России, о них сочувственно писала русская критика. Его произведения переводил И.С. Тургенев, связанный с Флобером близкой дружбой.

Ни дядей, ни биологическим отцом Мопассана, как гласила молва, Флобер не был. (Вероятно, Елпатьевский намекает на эту «литературную» сплетню, запущенную братьями Гонкурами в их «Журнале» в 1893 году). Мопассана можно назвать литературным учеником Флобера, его другом, он также занимался организацией похорон Флобера.

cher maitr'om – дорогим учителем (фр.)

Бурже Поль (Paul Bourget) (1852–1935) – французский писатель и критик, чьи произведения в конце XIX века пользовались огромным успехом во Франции. Самое известное произведение – роман «Ученик» (1889).

«*Pas de principes!*» – Никаких принципов! (фр.)

«...одним беспринципным писателем стало больше...» – В журнале «Русская мысль» (1890, кн. 3), на странице 147 библиографического отдела было напечатано: «Еще вчера даже жрецы беспринципного писания, как гг. Ясинский и Чехов...» В ответ Чехов писал В.М. Лаврову, редактору-издателю «Русской мысли», 10 апреля 1890 года: «Беспринципным писателем или, что одно и то же, прохвостом я никогда не был... Обвинение Ваше – клевета».

«*Журнал для всех*» — ежемесячный иллюстрированный научно-популярный и литературный журнал; издавался в Санкт-Петербурге с 1895 по 1906 год. С 1898 года издатель – В.С. Миролюбов. А.П. Чехов опубликовал в этом журнале рассказы «Архиерей» (1902) и «Невеста» (1903).